ISSN 2351-6658
ISSN (ONLINE) 2351-6666

РУСИФИКАЦИЯ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

АНДРЕЙ КИШТЫМОВ

Аннотация: Рассмотрены основные проблемы и содержание процесса русификации, показано его место в российской и беларусской историографиях.

Ключевые слова: русификация, Беларусь, историография.

RUSSIFICATION AS A HISTORIOGRAPHICAL ISSUE: OUTCOMES AND PROSPECTS

Abstract: The article reviews the main issues and content of the Russification process and identifies its place in Russian and Belarusian historiographies.

Keywords: Russification, Belarus, Historiography.

Термин русификация довольно широко используется в гуманитарной научной сфере и еще шире – в публицистике. При этом его содержание остается весьма расплывчатым и неопределенным. Поэтому следует сразу определиться с понятийным аппаратом. Имеем ли мы дело с конкретным явлением, обладающим своим предметным содержанием, т.е. тем, что делает происходящее историческим фактом, или иначе: это процесс с его хронологией и периодизацией? Или перед нами очередная идеологическая погремушка, пропагандистский штамп, который используют за отсутствием и неимением более убедительных аргументов в попытке объяснить всю сложность прошедшего, а еще чаще – настоящего. Думаю, что это все-таки историческая проблема, хотя при ее изучении неизбежно приходиться иметь дело не только с историческим материалом, но и с теми идеологическими завалами и стереотипами, которые ее окружают.

Стандартное, энциклопедическое определение процесса русификации гласит: *«насаждение русского языка; переход на русский язык в быту, литературе или делопроизводстве»* (Wiktionary.org). Или: *«Русификация – комплекс мер, осуществляемых официальными властями, направленных на обрусение жителей какой-либо территории, а также и сам процесс такового обрусения – как в языковом, так и в культурно-религиозном плане. Как целенаправленная языковая и историографическая политика, русификация получила распространение в XIX веке»* (Wikipedia.org).

Сразу обратим внимание на хронологию. Да, XIX век стал практикой для русификации Беларуси. Но нельзя отрицать и того, что русификация – это и определенная идеология. А идеологическое обоснование территориальной и политической экспансии начинается не после, а до реального течения исторических событий. О принадлежности Белой Руси к московскому престолу заговорили еще со времен Ивана III. То есть еще до Оршанской битвы 1514 года, которая, по сути, не только предопределила современную восточную границу Республики Беларусь, но ясно указала на новый вектор российской экспансии. Середина XVII века ознаменовалась масштабным вторжением на земли ВКЛ и потерей восточной Украины для Речи Посполитой. В годы Северной войны российские войска при ведении боевых действий не обращали внимания на государственную принадлежность беларусских земель, а за полвека до разделов Речи Посполитой Беларусь как часть Российской империи рассматривал Василий Татищев. Так что к концу XVIII века фактически было готово имперское обоснование военной и политической миссии России на западе, как процесса восстановления «исторической справедливости», возвращения «отторгнутых» земель.

И в наше время сначала мы видим неподдельный, не хотелось бы думать – заказной, интерес российских историков к былым «окраинам» Рос-

сийской империи, а затем наблюдаем и новый этап «собирания российских земель». Я имею в виду в первую очередь серию монографических изданий Алексея Миллера и его соратников. Она наиболее полно иллюстрирует современное российское понимание истории тех соседей, кто вчера был «своим», а сегодня – стал чужим, а также историческую имперскую практику управления ряда проблемных регионов современной Российской Федерации. В этой серии беларусские сюжеты фигурируют в трудах под весьма красноречивыми названиями: «Западные окраины Российской империи» (2006) и «Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II» (Долбилов, 2010). А начинался этот ренессанс имперской «окраинной» историографии с монографии А. И. Миллера «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)» (Миллер, 2000). Как сегодня Россия решает «украинский вопрос» – мы знаем.

На наш взгляд, в своей беларусской истории мы имеем две качественно разных русификации. Первая, в XIX веке, была борьбой против всего «польского» и являлась политикой не столько антибеларусской, сколько антипольской. Причем сами русификаторы находились в процессе поиска и идентификации «истинно русского». Острие второй русификации, в XX веке, было направлено в первую очередь против беларусов, но при этом сложился причудливый симбиоз русского национализма и интернационализма.

Обратим внимание на инструментарий русификации. Чаще всего в качестве ее проводника называют повсеместное насаждение русского языка: русификацию системы образования, делопроизводства, печатных изданий. Безусловно, что такое внимание к языковой проблеме справедливо, но это только видимый фасад русификации. В конце концов, широкое распространение русского языка лишь завершает этот процесс, придает ему законченную форму. При этом национальные языки остаются, но попадают в ситуацию своеобразного языкового гетто.

Понятна тесная связь процессов русификации и религиозных вопросов. По существу, православная вера и русификация стали синонимами. На практике это была и ликвидация церковной унии, и передача униатских и католических храмов и монастырей православным, и целевая государственная программа по строительству «муравьёвок». Однако роль религиозного фактора в процессе русификации не стоит преувеличивать. Как и роль религии в целом в общественно-политических процессах последних двух веков.

Важнейшим проводником русификации, конечно, была и остается система образования. Но и здесь все не так однозначно. Напомню, что учеба в столичном императорском университете не помешала Кон-

стантину Калиновскому выступить против самодержавия. А бывший семинарист и выпускник Императорского Юрьевского университета Всеволод Игнатовский в 1920-е годы стал одним из самых активных проводников беларусизации.

Военная служба – еще один аспект и инструмент русификации, практически обойденный исследователями. Обычно ограничиваются упоминанием о царских и советских военных гарнизонах на беларусской земле. Но ведь на военной службе «школу» русификации проходило и подавляющее большинство мужского населения Беларуси. Казалось бы, все на поверхности – более-менее достоверная статистика, строгий армейский учет и контроль, но ведь мы и сегодня не имеем полной исторической картины о том, когда и сколько беларусов служило в царской и советской армиях, как проходила эта служба, какой карьерный рост ожидал их там и как это сказывалось на их национальном самосознании?

Всегда ли русификация носила репрессивный, насильственный характер? Как это ни печально, но думаю, что нет. Наряду с русификацией «сверху» имелось и движение навстречу. То есть в нашей беларусской истории, как и в случае с полонизацией, мы зачастую имеем дело и с добровольным процессом русификации беларусов. Да и не только беларусов, а применительно к XX веку, и других этносов, живущих в Беларуси, например евреев.

Как наглядное проявление русификации у нас обычно называют западнорусизм. Тем более что это явление и сегодня скорее живо, чем мертво. Однако как тенденция западнорусизм не был исключительно беларусским феноменом. В близком историческом родстве с ним движения младолатышей и младоэстонцев. Это, по сути, исторические аналоги. Этот аспект пока и не замечен, и не изучен исследователями.

Очевидная взаимосвязь между процессами советизации и русификации Беларуси в XX веке чаще просто называется как аксиома, но за данной декларацией пока нет солидного исторического обоснования.

Неоднозначным остается и отношение к процессам беларусизации. Пока это приводит к появлению таких работ, как монография полоцкого уроженца Юрия Борисенка, где Беларусская Народная Республика упомянута один раз и названа *«фантомным государственным образованием»* (Борисенок, 2013: 123), зато настойчиво обосновывается мысль о том, что существованию своей национальной государственности Беларусь обязана исключительно инициативе И. Сталина, сыгравшего *«роль главного арбитра в беларусских делах»* (Борисенок, 2013: 122).

В итоге нам представляется принципиально важным то, что комплексное исследование русификации выведет из исторической тени весьма непростые аспекты беларусско-российских взаимоотношений.

Библиография

1. URL (доступ 03.04.2015): https://ru.wiktionary.org/wiki/%F0%F3%F1%E8%F4%E8%EA%E0%F6%E8%FF

2. URL (доступ 03.04.2015): https://ru.wikipedia.org/wiki/Русификация_(политика).

3. Борисенок, Юрий Аркадьевич (2013). *На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века.* М.: ООО «Родина МЕДИА».

4. Долбилов, Михаил Дмитриевич (2010). *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II.* М.: Новое литературное обозрение.

5. *Западные окраины Российской империи* (2006). М.: Новое литературное обозрение.

6. Миллер, Алексей Ильич (2000). *«Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века).* М.: Новое литературное обозрение.